

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Н.И. ВАВИЛОВА

В.И. ГЛАЗКО

Рассматриваются события, связанные с последней экспедицией Н.И. Вавилова. Она была элементом его глобального плана мобилизации мировых растительных ресурсов и увеличения эффективности их использования в целях устойчивого развития мирового сельского хозяйства. Этот план формировался у Н.И. Вавилова еще в период его студенчества в Московской сельскохозяйственной академии (ныне РГАУ — МСХА имени К.А. Тимирязева) и был естественным продолжением творческой среды, созданной основателями и преподавателями этого ВУЗа. Обсуждаются последние открытия Н.И. Вавилова и трагические обстоятельства его ареста.

Ключевые слова: биоразнообразие, растительные ресурсы, пути миграции культурных растений.

6 августа исполнилось 70 лет со дня ареста нашего выдающегося выпускника Николая Ивановича Вавилова. Н.И. Вавилов — признанный мировым сообществом естествоиспытатель и энциклопедист XX столетия, которому принадлежит несколько фундаментальных открытий в биологии и целый ряд замечательных идей, до сих пор продолжающих интенсивно разрабатываться современными учеными мира. Н.И. Вавилов первым применил на практике совершенно новый, глобальный подход к изучению и сохранению растительного мира как единого целого в масштабах всей планеты. На базе коллекции культурных растений, собранных Николаем Ивановичем Вавиловым, до сих пор создаются новые сорта, возобновляется и восстанавливается биоразнообразие в разных странах мира, в т.ч. и в России.

Свидетельства глубокого уважения и восхищения к Николаю Ивановичу можно обнаружить во всех публика-

циях, посвященных ему, вышедших из-под пера его единомышленников, сотрудников, учеников, современников, зарубежных исследователей. В своей разносторонней деятельности Н.И. Вавилов проявил себя и как ученый, внесший вклад в разные отрасли биологии, агрономии и географии, и как организатор науки и сельскохозяйственного производства. В сущности, он принадлежал к той когорте советских ученых-организаторов науки и производства, наиболее известными представителями которой являются его младшие современники — И.В. Курчатов, П.Л. Капица, Л.Д. Ландау, С.П. Королев и другие.

Деятельность Н.И. Вавилова протекала в сложную эпоху, а решавшиеся им масштабные задачи перестройки сельского хозяйства на научной основе в силу как объективных, так и субъективных причин не могли быть осуществлены в течение жизни одного поколения, к которо-

му принадлежал Николай Иванович. В этом — один из истоков постигшей его трагедии, когда в последний период жизни Николаю Ивановичу пришлось мужественно отстаивать и свои научные убеждения, прежде всего в области генетики, и свою линию внедрения достижений науки в практику сельского хозяйства. Академик трех советских академий: Академии наук СССР, Академии наук Украинской ССР и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина; при жизни Николай Иванович был избран членом и почетным членом многих зарубежных академий, в т.ч. Лондонского Королевского общества (1942), Шотландской (1937), Индийской (1937), Аргентинской академией, членом-корреспондентом АН Халле (1929; Германия) и Чехословацкой академии (1936), почетным членом Американского ботанического общества Линнеевского общества в Лондоне, Английского общества садоводства и других обществ, академий и университетов.

Завоевав огромный международный научный авторитет, обладая большим личным обаянием, владея многими языками, он не формально, а по существу был представителем отечественной науки в посещаемых им странах. Его зарубежные поездки способствовали упрочению и росту авторитета российской и советской науки, обеспечивали обмен научной информацией и установление полезных контактов с зарубежными учеными и научными организациями. Н.И. Вавилов — президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина, президент Всесоюзного географического общества; директор крупнейших научных институтов — Всесоюзного института растениеводства и Института генетики Академии наук СССР; член высших органов советской власти — ЦИК СССР и ВЦИК; всемирно известный ученый, прославленный пу-

тешественник... За время работы Николая Ивановича Вавилова до 1940 г. (до ареста) им были организованы более 180 экспедиций, из которых около 140 приходились на территорию Советского Союза. Символично и то, что он был арестован в своей последней экспедиции...

Жизнь Н.И. Вавилова была в последние годы тяжелой, давление шло со всех сторон. Но в начале 1940 г. Наркомзем СССР назначил Н.И. Вавилова начальником комплексной экспедиции в западные районы Украины и Белоруссии, освобожденные Красной Армией. Для Николая Ивановича это было знаком того, что его исследования по сбору растительных ресурсов — стране нужны. В приказе по институту говорилось: «Во исполнение Приказа Наркомзема СССР № 260 от 13 мая с. г. выделить для обследования культур зап. обл. УССР и БССР в 1940 г. следующих сотрудников:

По западным областям БССР — д-ра К.А. Фляксбергера, М.М. Якубцинера, В.И. Антропова и аспирантов Скорика и Трофимовскую.

По западным областям УССР — акад. Н.И. Вавилова, В.С. Лехновича, О.А. Воскресенскую, А.И. Мордвинкину, Ф.Х. Бахтеева.

Окончательное распределение сотрудников по областям БССР поручается д-ру К.А. Фляксбергеру.

Ориентировочное время командировок по западным областям БССР 10.VII - 25.VIII, по западным областям УССР 1.VII - 15.VIII.

На время моего отсутствия в Ленинграде общее руководство делами экспедиции, включая распоряжение кредитами, возлагается на д-ра К.А. Фляксбергера и М.М. Якубцинера» [4].

Как всегда он тщательно готовился к экспедиции: прочитал массу книг, приобрел новейшие карты районов экспедиции, справочники, адреса. В задачу экспедиции входило выясне-

ние общего состояния растениеводства, в частности, вопросов селекции, семеноводства, кормодобывания и агротехники в новых районах, а также возможно полное ознакомление с деятельностью общебиологических, ботанических и агрономических научно-исследовательских учреждений, вузов и научных обществ западных районов УССР и БССР. Его интерес — вопросы эволюции и миграции культурных растений, в частности, миграция пшеницы из стран Передней Азии на территорию Европы. Те, кто 26 июля (за 10 дней до ареста) встречали Вавилова на вокзале в Киеве, увидели, как обычно, собранного и энергичного ученого. В Киеве президент Украинской академии наук А.А. Богомолец распорядился принять известного ученого Н.И. Вавилова с максимальным вниманием и гостеприимством [1]. Перед отъездом во Львов Николай Иванович пробыл в столице три дня, которые были заполнены до предела. Встреча с президентом Академии наук Украины, беседы с наркомом земледелия и заместителем председателя Совнаркома. Он успевает побывать в Научно-исследовательском институте сахарной свеклы и даже выступить на республиканском слете пионеров. В Киеве познакомился с археологическими материалами «Трипольской культуры». В беседе с П.П. Куренным и доктором Пидопличка высказал мысль об организации особой выставки по истории земледелия СССР и Европы. Н.И. Вавилов пришел тогда к заключению, что богатейшие находки советских археологов в Триполье имеют отношение не только к истории земледелия на территории СССР, но и к возникновению земледелия в Европе. Посетил С.М. Гершензона. «Николай Иванович, — рассказывает Гершензон, — пообедал вместе с моей семьей. Расспрашивал о работе, говорил о планах, рассказывал о научных новостях, еще не дошедших

до меня, шутил с детьми. Как всегда, был весел, полон сил, неотразимо обаятелен. Таким он и остался в моей памяти» [1].

Для экспедиции Н.И. Вавилова было выделено два автомобиля. Черная «эмка» едет по шоссе Киев — Житомир — Бердичев — Винница — Подволыньск — Перемышляны — Львов. Вавилов находился рядом с водителем, его занимало все, что происходило в окрестных полях: массивы сортовой пшеницы, уходящие за горизонт до старой государственной границы. Но интереснее для ученого напоминающие лоскутное одеяло, крестьянские поля Западной Украины. Николай Иванович часто останавливал машину и шел к ближайшей заинтересовавшей его полосе, чтобы набрать образцы ржи, ячменя, овса, а также обстоятельно поговорить с крестьянами об истории сортов, высеваемых здесь, и о том, как они очищают поля от сорняков. Агрономические и научные круги западной Украины приняли его радушно, его просят сделать доклады, на что он охотно соглашается.

Н.И. Вавилов оставался во Львове до 1 августа. За это время он посетил начальника Областного земельного отдела И.П. Майбороду и старшего агронома, которых информировал о задачах экспедиции и советовался с ними, как лучше и быстрее их выполнить. Подробно познакомился с работой Сельскохозяйственной академии в Дублянах, осмотрел опытные поля, вегетационные эксперименты. В Дублянах Н.И. Вавилова встречали и давали объяснения заведующий кафедрой генетики и селекции профессор Мечинский и заведующий кафедрой машиноведения профессор Канафойский.

1 августа Вавилов и его спутники выехали из Львова в Черновцы. 3 и 4 августа они объезжали опытные станции в районе Черновцов, собирали образцы посевов, знакомились с

научной работой, а весь день 5 августа, как пишет Ф.Х. Бахтеев [1], Вавилов знакомился с университетом, многими оставшимися здесь преподавателями и его научными сотрудниками, с музеями, ботаническим садом, с самим городом. Собрал и получил в подарок от местных научных сотрудников сотни книг, журналов, оттисков по растениеводству и рукописный материал. Разыскал местного географа, толковал с ним целый вечер. Обнаружил в библиотеке несколько незнакомых работ, пометил «прочитать». Узнал, что поляки организовали испытание картофеля на заболевание раком, записал — испытать в ВИРе. В Черновцах Вавилов поручил В.С. Лехновичу искать пораженный раком картофель на огородах местных жителей. Н.И. Вавилов, в общем, был доволен сборами семян злаков, кормовых и других растений, приобретенными для библиотеки института книгами...

Из Львова Н.В. Вавилов посылает открытку сотруднику Института генетики Т.К. Лепину и сообщает о первых успехах экспедиции: «Примерно Центральную Европу начинаем постигать», просит передать привет поименно пяти сотрудникам, «всем борцам за генетику».

Об этой последней экспедиции в жизни своего учителя Н.И. Вавилова свои воспоминания оставил Ф.Х. Бахтеев [1].

«В Киеве (Украина) Н.И. Вавилов провел несколько дней, встретился с руководителями сельского хозяйства республики, учеными, посетил некоторые научно-исследовательские учреждения... Н.И. Вавилов участников экспедиции разделил на три отряда: один направил в Волинскую, Ровенскую и Тернопольскую области, другой — по предгорным и горным районам Ивано-Франковской и Дрогобычской областей, а наш (Николай Иванович, В.С. Лехнович и Ф. Х. Бах-

теев) — в Северную Буковину.

Утром 1 августа наша группа выехала из Львова в Черновцы через Станислав — Коломыю — Куты — Вижницю — Вашковцы. По пути, как всегда, Н. И. Вавилов часто делал остановки и набирал образцы из посевов полевых культур. Миновал бывшую границу между Польшей и Румынией (Северной Буковиной) в сторону Черновцов, у села Испас Николай Иванович обнаружил в посевах весьма пестрые популяции овса, состоявшие, наряду с обыкновенным посевным овсом, из примеси песчаного и восточного видов.

Встречи в пути с населением Северной Буковины были приветливыми и доброжелательными. В таких случаях Николай Иванович неизменно вступал в беседу с крестьянами и этим явно вызывал симпатии у собеседников».

В своем последнем письме Т.К. Лепину от 2 августа 1940 г. Н.И. Вавилов очень оптимистично описывает свои впечатления об этой поездке: «Сегодня еду в Буковину. Половину Западной Украины кончил. Много интересного. Любопытны гибриды скверхедов с банаткой, одногривые овсы. Дня через 4-5 буду в Карпатах. Философию Центральной Европы начинаем постигать. Науки тут порядочно, до цитологии включительно. Ботаника 1-го класса» [2, 6].

Ф.Х. Бахтеев [1] пишет: «Поздно вечером 2 августа мы прибыли в Черновцы. На следующий же день Н.И. Вавилов посетил Сельхозотдел УКП(б) и Уездное земельное управление.

4 августа Н.И. Вавилов выехал по маршруту Заставна — Звеняче, где знакомился с опытными полями, которые произвели на него очень хорошее впечатление. Здесь было решено сохранить опытное поле Звеняче в качестве одного из первичных семеноводческих хозяйств.

Весь день 5 августа Н. И. Вавилов знакомился с университетом, его преподавателями и научными сотрудниками, с музеями, ботаническим садом, городом...

По совету местных научных работников Н.И. Вавилов наметил на утро 6 августа поездку в горный район Путила. Желающих принять участие в поездке оказалось много. По совету Николая Ивановича, автору этих строк пришлось отказаться от поездки в пользу одного из гостей. Рано утром 6 августа Николай Иванович и его спутники отправились в сторону Путила. Мне было поручено побывать на пивоваренном заводе и поинтересоваться сортами ячменя, которыми он снабжается. Долго пробыв на заводе, я вернулся в тот день около 5 часов вечера в общежитие студентов университета, где мы нашли приют.

Уже темнело, когда мы с В.С. Лехновичем возвращались из столовой. Вахтер сказал нам, что недавно возвратился профессор (Н.И. Вавилов) и хотел пройти в общежитие, но в этот момент подъехала машина и вышедшие из нее люди пригласили профессора ехать с ними для срочных переговоров с Москвой. Тогда Н.И. Вавилов попросил передать нам рюкзак и сказал, что скоро вернется и чтобы его ждали.

К великому нашему сожалению, мы видели Николая Ивановича Вавилова в тот день последний раз. Как стало известно позднее, Н.И. Вавилов был арестован» [1].

Погода 6 августа стояла солнечная, настроение у членов экспедиции и хозяев было отличное. С восходом солнца Н.И. Вавилов с группой местных научных работников, агрономов и сопровождавших его лиц отправились из г. Черновцы в горный район Путивля, расположенный в северо-восточной части Карпатских гор. На трех переполненных машинах они поехали в предгорные районы для

сбора и изучения растений. До Карпатских высот предстояло проехать километров 120-150. Однако очень скоро, еще в предгорьях, одна из машин, на которой ехал Лехнович (Бахтеев остался в Черновцах), получила несколько проколов, отстала и вскоре повернула назад.

“На обратном пути, — рассказывал В.С. Лехнович, — нам повстречалась такая же, как и наша, черная «эмка». Встречные остановили нас. Четверо мужчин стали допытываться, где находится академик Вавилов. Мы объяснили, по какой дороге поехали две другие машины. Спросили, зачем им нужен Николай Иванович. “Он захватил из Москвы какие-то документы по экспорту хлеба, — последовал ответ. — Эти документы очень нужны”. Черная «эмка» двинулась дальше, разыскивать Николая Ивановича, а мы вернулись в Черновцы” [6].

Н.И. Вавилов побывал в предгорных районах Буковины и Прикарпатья. Здесь было собрано большое количество местных образцов ржи, пшеницы, ячменя, овса. Среди них им обнаружена реликтовая пшеница — полба. Двести лет изучали пшеницу до Николая Вавилова, и двадцать с небольшим лет изучал ее Вавилов. За это двадцатилетие число известных науке видов пшеницы благодаря его работам удвоилось, а число разновидностей возросло вчетверо...

Вечером остальные участники экспедиции вернулись без генетика. Он был увезен так быстро, что арестовавшие его люди не взяли даже его экспедиционного вещевого мешка. Поздно ночью какие-то молодые люди передали Ф.Х. Бахтееву и В.С. Лехновичу записку от Николая Ивановича, где он сообщил, что срочно вызван в Москву, просил с посланными передать ему все его вещи: «Дорогой Вадим Степанович! Ввиду моего срочного вызова в Москву выньте все мои вещи подателю сего.

Н. Вавилов. 6/VIII-40 г. 23 часа 15 мин.» [8].

Бахтеев и Лехнович не поняли сразу, в чем дело, хотя текст последней записки Николая Ивановича и точное указание часа на ней — не были свойственны Вавилову и свидетельствовали о чрезвычайности обстоятельств. Он, очевидно, предчувствовал, что эта записка — его последнее обращение к товарищам. От себя молодые люди добавили, что профессор срочно вылетает в Москву и уже находится на аэродроме возле самолета. Сотрудник экспедиции начал развешивать мешки, сваленные в угол комнаты, чтобы найти среди них вавиловский. Наконец, он его нашел. Сверху в мешке был большой сноп растений полбы — полудикой местной пшеницы, найденной Вавиловым. Лехнович отдал рюкзак и портфель Николая Ивановича, вынув из него собранные образцы растений.

Все, что произошло в следующие четверть часа, подробно описал профессор Ф.Х. Бахтеев [1]: «Мы спешно собрали вещи Николая Ивановича, хотя и намеревались вначале оставить кое-что, думая о скором его возвращении... Однако посланцы весьма вежливо, но вместе с тем достаточно определенно настаивали, чтобы мы выдали буквально все, не оставляя даже клочка бумаги. Мы пожимали плечами, крайне удивляясь такой настойчивости. Собрав и упаковав все вещи, мы и сами собирались ехать провожать Николая Ивановича на аэродром. Против этого молодые люди не возражали. Но когда вещи были вынесены и уложены в черную «эмку», то оказалось, что в кузове не остается места для нас двоих, так как за рулем оказался еще третий человек. Решили, что проводить Николая Ивановича и переговорить с ним о дальнейшей судьбе экспедиции поеду я, а Вадим Степанович останется. Я хотел уже сесть рядом с задним сидком, когда тот, позабыв вдруг о

вежливости, грубо заметил: “А стоит ли Вам ехать?” Я ответил, что товарищ, видимо, шутит, если нет места для нас двоих то, по крайней мере, один непременно должен повидаться с Вавиловым. С этими словами я потянул к себе заднюю дверцу автомашины и занес было ногу, чтобы сесть, но мой собеседник наотмашь ударил меня и я упал. Последовал резкий приказ шоферу: “Поехали!” С шумом захлопнулась дверца, и машина скрылась в темноте. Только теперь, до беспомощности потрясенные, мы, наконец, поняли: с Николаем Ивановичем случилось несчастье...” В.С. Лехнович вспоминал: “Больше я Николая Ивановича Вавилова не видел. Свыше месяца я пробыл еще во Львове, завершал работу экспедиции. Позднее мы узнали, что академик Вавилов стал жертвой каких-то нелепых обвинений» [6].

Поездка Николая Вавилова в Западную Украину оказалась продуктивной, как и все его экспедиции. Особое значение имело то, что поздно вечером того же дня, 6 августа 1940 г., осматривая содержимое вещевого мешка Н.И. Вавилова, Бахтеев обнаружил зеленый, уже выколосившийся куст полбы-двузернянки — *Tr. dicocum*. Таким образом, свои предположения о возможных путях миграции культуры пшеницы через Балканы Вавилов подкрепил фактом нахождения в Карпатах этого древнейшего вида пшеницы — *Tg. dicocum*.

В конце июня — первой половине июля уже отработывался вопрос об аресте Вавилова, теперь нам это известно. Разрешение на командировку последовало 23 июля, когда решение об аресте уже было принято, и есть веские основания считать, что цель этого разрешения была отнюдь не научная. Берия — шеф НКВД — просто хотел использовать экспедицию, чтобы арестовать Н. И. Вавилова вдаль от Ленинграда и Москвы, где об этом

неизбежно узнали бы многие. Слухи вполне могли бы дойти и до западных дипломатов [8].

Жорес Медведев отмечает: «Все говорило о том, что был разработан сложный сценарий. Только простых людей арестовывали в 30-е годы ночными визитами. Знаменитых людей, генералов и маршалов арестовывали по индивидуальным сценариям, чтобы предотвратить огласку и возможность сопротивления» [5].

Н.И. Вавилов был «изъят» органами НКВД быстро, прямо с поля в Западной Украине... И это притом, что выдающиеся достижения ученого уже тогда были достаточно широко известны во всем мире. Ссылки на публикации и доклады Вавилова постоянно присутствуют в отечественных и зарубежных работах, посвященных анализу путей возникновения и распространения культурных растений, аграрной цивилизации, иммунитета растений, генетических основ селекции, важности организации банков мировых растительных ресурсов и т.д... Научные успехи и вклад генетика в реформирование отечественного сельского хозяйства уже тогда не нуждались в особых доказательствах.

Несколько недель в ВИРе и в институте в Москве царил замешательство. Только что, в августе, было опубликовано решение дирекции Всесоюзной сельскохозяйственной выставки о награждении Н.И. Вавилова Большой золотой медалью ВСХВ за научные заслуги перед сельским хозяйством страны. И вдруг — арест. В своих «Воспоминаниях о Н.И. Вавиллове» Е.Н. Синская [7] приводит письмо, полученное осенью 1940 г. от подруги из Ленинграда: «ВИР весь замер и притаился. Был дуб и его срубили. Пустота страшная и невероятная. Куда он делся, ты сама должна догадаться. Приехали после того иностранцы и спросили: «Где Вавилов?». Им ответили: «Отдыхает в Крыму».

Они попросили открыть дверь в его кабинет. Войдя туда, один сказал: «Мы видели, как он лежал здесь на животе и ставил точки, показывающие, куда надо ехать собирать растения». Другой спросил: «Нельзя ли узнать его адрес в Крыму?». Им ответили: «Его не следует беспокоить».

Мы ходили к его брату Сергею Ивановичу и сказали ему: «Мы аспиранты Николая Ивановича, скажите нам, где Николай Иванович?». Со слезами на глазах он ответил: «Нет у меня брата! Отдать мне его на поруки отказались, он в тюрьме!». Вот таковы были нравы, как нельзя лучше характеризующие то грозное свинцовое время.

...Осенью 1940 г. в панике был не только ВИР. По сведениям агентов НКВД, арест Вавилова произвел «убийственное» впечатление на всю Академию наук СССР. Академик Лузин назвал арест «очередным ужасом». «За Вавиловым, — сказал Лузин, — не может быть никакого преступления, он — жертва клеветы и интриг». Не остался равнодушным и президент АН СССР В.Л. Комаров. Он сказал академику Завадовскому, что Вавилова посадили в тюрьму, как жулика, разбойника и убийцу «за то, что он имел смелость не соглашаться с Лысенко...» [7]. В агентурных донесениях тех месяцев говорится: академики убеждены, что арест произведен по настоянию Т.Д. Лысенко [8].

Позиция русских ученых — русской интеллигенции — спасти всех, кого можно. Эта позиция была у Н.И. Вавилова, В.И. Вернадского, И.П. Павлова и у многих других. Они вызволяли, как могли, из тюрем своих товарищей и коллег. Так, в 1930 г. И.П. Павлов спас Д.Н. Прянишникова. Благодаря этому еще 17 лет учитель Николая Ивановича активно действовал на благо народа.

Академик Н.И. Вавилов очень любил Д.Н. Прянишникова. Его оценка вклада учителя в мировую науку

отчетливо видна из статьи Вавилова: «Удельный вес науки в стране определяется не только средствами, отпускаемыми по государственному бюджету, числом исследовательских институтов, но, прежде всего, кругозором научных деятелей, высотой их научного полета. Когда спрашивают о науке в той или другой стране, то мы, прежде всего, думаем о том, что нового внесли научные деятели в мировые знания, какие новые пути проложили они, какие оригинальные исследовательские школы существуют в стране. В наших умах встают имена выдающихся исследователей, которых дала данная страна. Как маяки они определяют научный уровень страны, направленность работ научных коллективов. По совершенно бесспорному и единодушному признанию, одним из ведущих направлений в мировой агрономической науке XX века является школа академика Дмитрия Николаевича Прянишникова».

Дмитрий Николаевич Прянишников был самой значительной фигурой из тех, кто нашел в себе мужество открыто выступать до конца — за своего ученика — академика Вавилова. В 1940 г. ему исполнилось семьдесят семь лет. Крупнейший агрохимик, он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, получил Сталинскую премию. Но все эти дары государства не изменили правдивого и решительного характера академического ученого. Разыгравшаяся в Черновцах трагедия потрясла его. «Что они сделали! Они посадили в клетку гражданина мира!» — воскликнул академик Прянишников, когда до него дошли подробности ареста в Черновцах. Не боясь подслушивающих ушей и подсматривающих глаз, Прянишников везде — в Академии наук, в ВАСХНИЛ, в Тимирязевской академии, — беседуя со студентами, коллегами-учеными, чиновниками Наркомзема, не устал твердить,

что Николай Иванович ни в чем не виновен.

В 1940 г., подавив в себе страх перед лысенковцами, НКВД, незаконием, встали на защиту директора института сотрудники. В конце августа сотрудница ВИРа Нина Александровна Базилевская с группой коллег (Н.В. Ковалев, М.А. Розанова, Е.А. Столетов) составили письмо в ЦК ВКП(б), Совнарком и НКВД. Они писали, что много лет знают Николая Ивановича, абсолютно убеждены в его верности Советской власти и Коммунистической партии и потому просят освободить Вавилова — крупного ученого и организатора советской науки. Подписались девять человек. Однако когда Ковалев показал письмо своему родственнику — сотруднику НКВД, тот предупредил: если жалоба пойдет в таком виде, арестуют всех девятерых, пусть подпишется кто-нибудь один. Риск взяла на себя доктор Базилевская, у остальных были маленькие дети. Это был мужественный поступок научного сотрудника [7].

Вскоре Нину Александровну вызвали в Смольный. В обкоме партии она снова пыталась говорить о невиновности Вавилова. Сказала даже, что если Николая Ивановича вышлют, то большая часть ВИРа поедет за ним в ссылку, хоть в Сибирь, хоть на Камчатку. «Чепуха, — ответил работник обкома, — у нас ошибок при аресте не бывает. Работайте спокойно и не отвлекайте руководителей по пустякам» [7]. Три дня спустя Базилевскую уволили из института.

Нина Александровна перед отъездом из Ленинграда (здесь никто не принимал ее на работу), зашла к Сергею Ивановичу Вавилову и попросила помочь ей встретиться в Москве с кем-нибудь из членов ЦК. Вавилов-младший высоких знакомств в те годы еще не имел, но пообещал устроить встречу с членом ЦК А.А. Андреевым через своего родственника, видного

архитектора Веснина. Андрей Андреевич Андреев был, пожалуй, самым подходящим человеком для такого разговора, он в ЦК ведал вопросами сельского хозяйства. Но встреча как-то долго не получалась, хотя Веснин сделал все, что мог. Состоялась она только в начале 1941 г. Референт предупредил просительницу, что член ЦК чрезвычайно занят и уделит ей лишь несколько минут. Но едва Базилевская заговорила о роковой ошибке, произошедшей с академиком Вавиловым, Андреев прервал ее фразой: "Никакой роковой ошибки быть не могло. Есть факты, которых вы не знаете". На этом аудиенция закончилась... Фраза — «Есть факты, которых вы не знаете» стала ключевой на долгие годы при разговоре о судьбе Н.И. Вавилова...

Профессор Евгения Николаевна Синская обратилась за поддержкой к вице-президенту Академии наук физиологу Л.А. Орбели [7]. Прямой и честный, Орбели попытался что-то предпринять, куда-то писал, но через несколько дней сообщил, что помочь Вавилову нельзя, во всяком случае, его, Орбели, влияния недостаточно. Все хлопоты велись в тайне. Тайком отправился в Москву, в надежде получить аудиенцию в Кремле, ближайший друг Николая Ивановича, профессор Леонид Ипатьевич Говоров. В книге М. Поповского "Дело академика Вавилова" [3] читаем следующее: "Хороший семьянин, серьезный ученый, человек в высшей степени миролюбивый и покладистый, профессор Говоров только однажды дал волю своей горячности. Это произошло в день, когда он узнал об аресте Николая Ивановича. Ни слова не сказав ни домашним, ни сотрудникам, профессор Говоров помчался в Москву искать аудиенции у товарища Сталина. Долгом ученого и гражданина он считал открыть Иосифу Виссарионовичу глаза на то, какого замечательного человека и ученого теряет

Россия в лице академика Вавилова". В результате его поисков справедливости арестовали и его...

Тайком ездила к младшему брату Николая Ивановича, к Сергею, старейший работник института, сотрудница отдела кормовых культур, председатель профсоюзной организации ВИРа Мария Александровна Шебалина [3]. Она привезла Сергею Ивановичу специально подготовленную справку — несколько десятков страниц (втайне перепечатанных машинистками ВИРа), где со всей возможной полнотой приводилась та материальная выгода, которую страна получила от экспедиций, опытов, исследований академика Николая Вавилова. Мария Александровна считала: «Нам казалось, что гонители Николая Ивановича ужаснутся, когда увидят, какой огромный урон нанесет государству его арест».

Академик Сергей Иванович Вавилов, директор Государственного оптического института, очевидно, не разделял наивных надежд вировцев. Он принял Шебалину на Васильевском острове в старинном доме, где все квартиры издавна занимали члены Российской Академии наук. «Это было в последних числах августа, — вспоминает Мария Александровна. — Сергей Иванович сидел в кабинете за большим письменным столом, я — напротив. Хорошо помню его глухой, тускло звучащий голос, какие-то пустые, усталые глаза. Он не стал даже читать справку, которую мы так старательно сочиняли. Отрешенно поглаживая свои седеющие виски, сказал: «Недоразумения тут нет никакого. Брат арестован по распоряжению или, во всяком случае, с ведома первого лица государства. И едва ли мы сможем что-нибудь сделать...» [3].

В воспоминаниях Ю.Н. Вавилова (сына Н.И. Вавилова) приводятся такие детали: «6 августа 1940 г. моего отца арестовали в г. Черновцах во время

экспедиции на Западную Украину. В конце сорокового года мама ездила в Москву хлопотать об освобождении отца. В Москве мама была и у Сергея Ивановича. Он очень тяжело переживал арест брата... Дядя Сережа ходил к президенту Академии наук СССР В.Л. Комарову и они вместе составили письмо Сталину с просьбой об освобождении Н. И. Вавилова, при этом Сергей Иванович плакал. Об этом есть воспоминание бывшего помощника В.Л. Комарова, А.Г. Чернова.»

Многих занимал вопрос, почему участь Николая Ивановича не постигла Сергея Ивановича, ведь не только родство, но и взаимная любовь и глубочайшее уважение друг к другу братьев Вавиловых были известны не только их друзьям, но, несомненно, и тем, от кого зависела их судьба. Приходится думать, что Сталин решил до поры до времени держать Сергея Ивановича заложником. Известно, что такое поведение вождя было для него обычным и «демократичным», и можно вспомнить немало аналогичных случаев.

С.И. Вавилов не смог помочь брату, но считается, что несмотря ни на что, именно он успел вывезти из квартиры Николая Ивановича и сохранить его библиотеку, спасти часть бесценных рукописей Н.И. Вавилова. Что стоило ему пережить трагедию с братом, известно из статьи члена-корреспондента АН СССР Е.Л. Фейнберга, посвященной памяти С.И. Вавилова, «Девять рубцов на сердце».

После ареста Н.И. Вавилов был переведен в Москву во Внутреннюю тюрьму НКВД. На него было заведено следственное дело № 1500. Дело Н.И. Вавилова вел следователь НКВД А.Г. Хват. В обвинительном заключении датой ареста обозначено 7 августа 1940 г. В действительности это произошло 6 августа. Эту дату называет сам Вавилов. Она стоит на протоколе личного обыска ученого в Черновцах. Дата “7 августа 1940 г.”

появилась в связи с тем, что так был датирован ордер на арест и обыск № 529, выданный НКВД. Из воспоминаний сына Николая Ивановича Юрия Николаевича. «...Начну с печальной даты ареста Николая Ивановича 6 августа 1940 года. Он был арестован в Черновцах во время экспедиции в Западную Украину. Недавно мне стали известны некоторые подробности ареста отца. Машина с сотрудниками НКВД в штатском встретила «эмку», на которой он ехал, приблизительно в пятидесяти километрах от г. Черновцы. Прошлым летом я впервые побывал в этих местах. При встрече Николаю Ивановичу сказали, что его срочно вызывают в Москву на сессию Верховного Совета для информации правительства о сельском хозяйстве Западной Украины. В это время в Москве действительно проходила сессия Верховного Совета СССР. Н. И. Вавилову сообщили об аресте лишь когда автомобиль подъехал к зданию общежития Черновицкого университета». То есть его арестовали раньше, чем выдали ордер на арест.

7 августа 1940 г. заместитель Генерального прокурора СССР Г.Н. Сафонов санкционировал арест Н.И. Вавилова. Основанием для санкции послужило: 1) Вавилов — сын бывшего крупного купца, владельца фирмы «Удалов и Вавилов»; 2) с первых дней установления советской власти он якобы враждебно относился к существующему строю, высказывался против руководителей Советского государства; 3) был одним из руководителей антисоветской шпионской, контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии»; 4) вел активную контрреволюционную работу с 1927 г., когда стал директором Всесоюзного института растениеводства.

В протоколе личного обыска перечислены 27 наименований документов и вещей, начиная с паспорта и кончая

двумя фотокарточками. В другом протоколе с дополнениями значатся книги, географические атласы, словари, блокноты, барометр, бланки, личные вещи, изъятые в студенческом общежитии в отсутствие Вавилова.

7 августа, в отсутствие Вавилова, был составлен протокол обыска на вещи, оставленные Вавиловым и Лехновичем в Львовской «Народной гостинице» (№4), в которой они проживали (Вавилов с 31 июля, Лехнович с 23 июля) и уехали 1 августа.

Сотрудники НКВД в Москве и Ленинграде тщательно готовились к следствию. Пока Вавилова перевозили из Черновцов в столицу, были проведены обыски со вскрытием полов, с просмотром архивов и подвалов на московской квартире (Чкаловская, 21/23, кв. 54), рано утром в небольшой квартире ученого в г. Пушкине, затем в ленинградской (Проспект 25 Октября, 11/2, кв. 13) квартире, в директорских кабинетах в ВИРе и Институте генетики. Протоколы обысков об изъятии дают представление о том, что окружало ученого в 1940 г. Здесь перечислены и личные вещи, и документы, и переписка, и неопубликованные рукописи, и книги из его личной библиотеки, и вырезки из газет. Почти ничего не было изъято на квартире в Пушкине. При обысках квартиры в Пушкине и Ленинграде 7 августа

1940 г. присутствовала жена Вавилова, Елена Ивановна. Сын ученого Ю.Н. Вавилов вспоминает: «В день ареста Н.И. Вавилова производился обыск в нашей квартире в Ленинграде в доме на углу Невского проспекта и улицы Гоголя. Летом 1940 г. я с матерью жил в Пушкине под Ленинградом, на Пушкинской станции ВИР... Черная «эмка» подъехала к нашему дому для сотрудников Пушкинской опытной станции, и мать увезли. Я почему-то догадался, что приехавшие были сотрудниками НКВД, хотя они не были в военной форме. Я был

готов к тому, что мать не вернется. Но она вернулась — ее возили в Ленинград присутствовать при обыске на нашей квартире».

Быть женой директора института — тяжелое испытание для сотрудницы института. От нее требуется большой такт, врожденная чуткость и главное — настоящая любовь и полное понимание всех сложностей, которые могут возникнуть от любого ее неосторожного поступка. Елена Ивановна, бывшая много лет верной спутницей Николая Ивановича, его помощницей и советчицей, была безупречна. Об этом свидетельствуют и отзывы сослуживцев, и многочисленные письма Николая Ивановича, проникнутые любовью и вниманием. Более тяжелое испытание для Елены Ивановны — это трудные годы беспощадной травли, завершившейся арестом. Арест, это когда знакомые при виде тебя переходят на другую сторону улицы. Арест, это когда знакомые проходят мимо. Это требовало подлинного мужества. Августовская катастрофа оказалась для нее неожиданной. Начался период полной неизвестности. ... Для того чтобы выжить с сыном, жена Вавилова Елена Барулина продавала из дома все, что можно было продать, и носила передачи во Внутреннюю тюрьму НКВД.

Первый обыск в ВИРе был проведен 9 августа, второй — 18 и 19 сентября и продолжался 27 часов. Еще до этого, 12 сентября, личный секретарь Вавилова Е.И. Сперанская передала по акту некоторые его материалы, а также книги, посланные ему на отзыв, заместителю заведующего секретариата ВИРа Андреевой. Эти материалы и составили костяк документов, изъятых НКВД 19 сентября. Люди понимали значение работ Вавилова. Две папки с письмами вначале удалось утаить. Об этом кто-то из институтских сотрудников доложил в НКВД, и 21 сентября они были конфискованы. Но основная масса бумаг

прошла мимо следователей, они не понимали их значения. Определенную часть рукописей Вавилова все же удалось спасти, спасибо тем, кто их спас и припрятал в институте. Они были обнаружены во время войны, в блокаду 1943 г. и благодаря этому, к счастью, не попали в НКВД.

Пока Н.И. Вавилова доставляли в Москву, сотрудники НКВД не только проводили обыски, но и завершали «аналитическую подготовку» к следствию.

Обвинения были стандартными для тех времен: "... принадлежность к заговору «правых», шпионаж в пользу Англии, руководство так называемой «Трудовой крестьянской партией», вредительство в сельском хозяйстве, связь с белоэмигрантами..." Известна роль некоторых ученых, выступавших в качестве привлеченных «экспертов» по делу Вавилова, включая и известных ученых, подхалимничавших перед Лысенко, а кое-кто из них был завербован органами НКВД в качестве секретных сотрудников... Такие нравы пронизывали тогда все общество сверху донизу.

Знакомясь в 60-е годы в архивах НКВД с «делом Вавилова» Марк Поповский нашел, что на Н.И. Вавилова с 1931 г. было заведено агентурное дело, которое к моменту его ареста выросло до семи томов, особенно оно стало пополняться доносами после 1935 г., когда произошел явный разрыв Н.И. Вавилова с Т.Д. Лысенко. Из этого следует, что арест Н.И. Вавилова не был случайностью, а тщательно планировался в недрах НКВД. Даже в постановлении на арест, по свидетельству М.А. Поповского [3], было записано: «Установлено, что в целях опровержения новых теорий в области яровизации и генетики, выдвинутых советскими учеными Лысенко и Мичуриным, ряд отделов ВИРа по заданию Вавилова производили специальную работу по дискре-

дитаии выдвинутых теорий Лысенко и Мичуриным...».

Н.И. Вавилову были предъявлены обвинения во вредительской деятельности и в шпионаже против СССР [4, 8]. Вавилов доказывал свою невиновность. Его ответы на допросах звучали твердо и резко: «Категорически заявляю, что шпионажем не занимался... Я считаю, что материалы, имеющиеся в распоряжении следствия, односторонне и неправильно освещают мою деятельность и являются, очевидно, результатом разногласий в научной и служебной работе с целым рядом лиц...».

Интенсивные допросы, применение следователями незаконных средств, особенно в ночное время, использовались для того, чтобы выбить из Вавилова признание в преступлениях против СССР. И он признал себя виновным впервые 24 августа. Это было после многодневных, многочасовых допросов меняющихся следователей: «Я признаю себя виновным в том, что с 1930 года являлся участником антисоветской организации правых, существующей в системе Наркомзема СССР...» — записано в протоколе допроса. Полностью отверг Н. И. Вавилов только обвинение в шпионаже. Да, он бывал за рубежом, посещал иностранные посольства и миссии, но никогда не был завербован, не выполнял никаких заданий западных разведок. Всего Н.И. Вавилова вызывали на допросы более четырехста раз, в основном в ночное время [8].

С сентября 1940 г. по март 1941 г. Н.И. Вавилова не вызывают на допросы и он в одиночной камере пишет книгу о глобальной эволюции земледелия с древнейших времен. В одном из писем к Берии Вавилов указывает: «Во время пребывания во Внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получать бумагу и карандаш, мною на-

писана большая книга «История развития земледелия» (Мировые ресурсы земледелия и их использование), где главное внимание уделено СССР» [8].

29 июня 1941 г. следователь Хват пересмотрел изъятые при обысках Н.И. Вавилова материалы и за десять дней до вынесения приговора (9 июля 1941 г.) подписал один из самых чудовищных актов в истории мировой науки — постановление, утвержденное Шварцманом: об уничтожении «как не имеющие ценности» многочисленных рукописей Вавилова, заметок и других документов, оставшихся после его многочисленных экспедиций (в 92 папках), записных книжек и блокнотов (90 штук), личную и служебную переписку (9 папок), рукописи Вавилова на русском и иностранном языках (8 папок), а также документы и материалы, не содержавшие никакого подтверждения предъявленного обвинения: его заявления, примерно 400 газет, журналов, брошюр и книг, большое число фотографий, географические, военно-топографические карты, справки, командировочные удостоверения, грамоты и т. д. [8]. В изъятых папках находились бесценные сведения и аналитические оценки растительных возможностей и богатств всего человечества, зафиксированные и осмысленные самым прозорливым из занимавшихся этими вопросами специалистом. В записных книжках, представлявших, главным образом, путевые дневники, был запечатлен образ межвоенного мира глазами великого натуралиста. В них содержались ботанико-агрономические, полеводческие, этнографические, археологические и иные наблюдения, записи о встречах с множеством людей, о поездках в зарубежные страны, а также сведения о поездках по многим регионам СССР, совершавшихся параллельно заграничным путешествиям (это более 180 экспедиций).

Шварцман, Хват и Кубулов совершили еще одно нарушение закона, уничтожив материалы до предъявления обвинительного заключения. Ведь подобного рода действия можно было осуществить лишь после смертного приговора с конфискацией имущества. В момент принятия постановления, смертный приговор Н.И. Вавилону еще не был вынесен. Таким образом, сотрудники НКВД в спешке опередили события на десять дней.

Николай Иванович Вавилов фактически не признал ни одного обвинения по предъявленным ему четырем пунктам 58-й статьи, а представил свою версию собственной вины. Вот как описывает его сам Николай Иванович: «Как при подписании протокола следствия за день до суда, когда мне были предъявлены впервые материалы по обвинению меня в измене Родине и шпионаже (показания Н.М. Тулайкова, М.П. Абдулова, Л.П. Бордакова), так и на суде, продолжавшемся несколько минут в условиях военной обстановки, мною было заявлено категорически о том, что это обвинение построено на небывлицах, лживых фактах и клевете, ни в коей мере не подтвержденных следствием» [8].

Закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда СССР состоялось 9 июля 1941 года.

Тем не менее, приговор суда: «Предварительным и судебным следствием установлено, что Н.И. Вавилов с 1925 г. является одним из руководителей антисоветской организации, именовавшейся "Трудовая крестьянская партия", а с 1930 г. являлся активным участником антисоветской организации правых, действовавших в системе Наркомзема СССР и некоторых научных учреждений СССР...

В интересах антисоветских организаций проводил широкую вредительскую деятельность, направленную на подрыв и ликвидацию колхоз-

ного строя, на развал и упадок социалистического земледелия в СССР...

Преследуя антисоветские цели, поддерживал связи с заграничными белоэмигрантскими кругами и передавал им сведения, являющиеся государственной тайной Советского Союза...

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила: Вавилова Николая Ивановича подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Действие приговора могла остановить только одна инстанция — Президиум Верховного Совета СССР, во главе которого стоял в те годы всеми любимый и уважаемый, но не полагающийся никакой реальной властью, «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. Вечером 9 июля на узкой полоске бумаги, чернилами Николай Иванович написал прошение о помиловании:

«В Президиум Верховного Совета СССР осужденного к высшей мере наказания — расстрелу бывшего члена Академии наук СССР, вице-президента Академии с/х наук им. В. И. Ленина и директора Всесоюзного института растениеводства Вавилова Николая Ивановича (статья обвинения 58-1а, 58-7, 58-9, 58-11) Обращаюсь с мольбой в Президиум Верховного Совета о помиловании и предоставлении возможности работой искупить мою вину перед Советской властью и советским народом.

Посвятив 30 лет исследовательской работе в области растениеводства (отмеченных Ленинской премией и др.), я молю о предоставлении мне самой минимальной возможности завершить труд на пользу социалистического земледелия моей Родины.

Как опытный педагог клянусь отдать всего себя делу подготовки советских кадров. Мне 53 года. 20 часов

9.7.1941 г. Осужденный Н. Вавилов бывший академик, доктор биологических и агрономических наук».

Ответ на свою мольбу Николай Иванович ждал семнадцать дней. Только 26 июля Президиум Верховного Совета СССР рассматривал ходатайство Николая Ивановича о помиловании. После начала войны Президиум заседал в узком составе. Его численность была ограничена десятью членами. На заседании присутствовали Сталин, Калинин, М.Ф. Шкирятов, А.Ф. Горкин, Г.М. Маленков. Им был предоставлен список ходатайств, состоящий из 361 пункта. Вавилов значился под номером 283. Единогласно принятое решение гласило: «Ходатайство о помиловании Вавилова Н.И. отклонить». Отклонение ходатайства Вавилова о помиловании — еще одно свидетельство непосредственной причастности Сталина в расправе над ученым. Осужденного перевели в Бутырскую тюрьму для приведения приговора в исполнение [8].

Но и после отклонения прошения Вавилов не был расстрелян. Согласно формулировке НКВД, приговор был «исполнением приостановлен» [8]. Исполнение приговора было отложено на полтора года.

2 октября 1941 г. Вавилов вновь оказался во внутренней тюрьме НКВД, где 5 и 15 октября уполномоченный Берии вел с ним переговоры о возобновлении научной работы, вероятно, в системе НКВД, где имелось немало «шарашек» — организаций, в т.ч. и сельскохозяйственного профиля. Дальше разговоров о научной работе дело не пошло. Без согласия генсека Берия предпринимать эти шаги не мог и, вероятно, такого согласия он не получил. Лысенко после ареста Вавилова сохранял господствующие позиции в растениеводстве, опирался на безграничную поддержку Сталина. В 1941 и 1943 гг. был награжден Сталинской премией, девятью орденами Ленина и т.д. Покровительство генсе-

ка имело долговременный характер, и в этих условиях освобождение Вавилова или возобновление работы, даже в какой-то «шарашке», вдалеке от столицы, было вряд ли возможно. К тому же началось наступление немцев на Москву.

В августе, после начала войны между Германией и СССР, Н.И. Вавилов подал заявление на имя Л.П. Берии: «В связи с возбуждением Вами ходатайства о моем помиловании и отмене приговора Военной коллегии, а также учитывая огромные требования, предъявленные всем гражданам Советского Союза в связи с военными событиями, позволю себе ходатайствовать о предоставлении мне возможности сосредоточить работу на задачах наиболее актуальных для данного времени по моей специальности — растениеводству.

1) Я мог бы закончить в течение полугода составление «Практического руководства для выведения сортов культурных растений, устойчивых к главнейшим заболеваниям».

2) В течение 6-8 месяцев я мог бы закончить при напряженной работе составление «Практического руководства по селекции хлебных злаков», применительное к условиям различных районов СССР. Мне также близки области субтропического растениеводства, включая культуру оборонного значения, как тунговое дерево, хинное дерево и др., а также растения, богатые витаминами.

Весь свой опыт в области растениеводства, все свои знания и силы я бы хотел отдать полностью Советской власти и моей Родине, там, где я мог бы быть максимально полезен» [8].

В заключение письма Вавилов выражал желание работать для своей страны. Н.И. Вавилов, вся жизнь которого пример подвижнического служения своему народу, образец кристальной чистоты, негиблого мужества, высокой гражданской по-

зиции, готов был трудиться на благо Родины даже тогда, когда находился в заключении и знал, что арестован без всякого на то основания.

В середине октября всех заключенных, находившихся в тюрьмах Москвы, стали эвакуировать по тяжелейшему этапу, длившемуся не один месяц, в другие города, что было связано с наступлением немецких войск на Москву.

29 октября 1941 г. Н.И. Вавилов с партией заключенных прибыл в тюрьму г. Саратова.

Н.И. Вавилов пишет письмо. Содержание его в настоящее время известно полностью.

“Зампредсовнаркома СССР тов. Л.П. Берия бывшего члена Академии наук СССР, вице-президента с/х академии им. В. И. Ленина, директора Всесоюзного института растениеводства и Института генетики Николая Ивановича Вавилова

Заявление

Г глубокоуважаемый
Лаврентий Павлович!

6 августа 1940 года я был арестован и направлен во внутреннюю тюрьму НКВД в Москву. 9-го июля 1941 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР я приговорен к высшей мере наказания.

Как при подписании протокола следствия за день до суда, когда мне были показаны впервые материалы обвинения по обвинению меня в измене Родине и шпионаже (показания Н.М. Тулайкова, М.П. Авдулова, Л.П. Бордакова), так и на суде, продолжавшемся несколько минут, в условиях военной обстановки, мною было заявлено категорически о том, что это обвинение построено на небывицах, лживых фактах и клевете, ни в коей мере не подтвержденных следствием.

На самом следствии, продолжавшемся 11 месяцев (около 400 допро-

сов в течение 1700 часов; следователь А.Г. Хват), я смог принять на себя вину, как руководящего научного работника, в отрыве моей работы от прямых задач социалистического производства и в выполнении мною в бытность мою президентом с/х академии (1930-1935 гг.) вредительских директив по руководству с/х наукой бывшего Наркома земледелия СССР Я.А. Яковлева, кому непосредственно была подчинена с/х академия, таковы: игнорирование областного опытного дела, узкая специализация института, обоснование завышенных планов с/х.

Перед лицом смерти, как гражданин СССР и как научный работник, считаю своим долгом перед Родиной заявить, как уже писал Вам в августе

1940 года, вскоре после ареста, что я никогда не изменял своей Родине и ни в помыслах, ни делом не причастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе.

1-го августа 1941 г., т. е. три недели после приговора, мне было объявлено в Бутырской тюрьме Вашим уполномоченным от Вашего имени, что Вами возбуждено ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР об отмене приговора по моему делу и что мне будет дарована жизнь.

2-го октября 1941 г. по Вашему распоряжению я был переведен из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму НКВД и 5 и 15 октября я имел беседу с Вашим уполномоченным о моем отношении к войне, к фашизму, об использовании меня как научного работника, имеющего большой опыт. Мне было заявлено 15-го октября, что мне будет предоставлена полная возможность научной работы как академику, и что будет выяснено окончательно в течение 2-3 дней.

В тот же день 15-го октября 1941 г. через три часа после беседы, в связи с эвакуацией, я был этапом направлен в Саратов, в тюрьму № 1, где, за отсутствием в сопроводительных бумагах документов об отмене приговора и о возбуждении Вами ходатайства об его отмене, я снова был заключен в камеру смертников, где и нахожусь по сей день. Тяжелые условия заключения смертников (отсутствие прогулки, ларька, передач, чтение книг и т. д.), несмотря на большую выносливость, привели уже к заболеванию цингой. Как мне заявлено начальником Саратовской тюрьмы, моя судьба и положение зависит в целом от центра.

Все мои помыслы — продолжить и завершить достойным для советского ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, моей Родине. Во время пребывания во Внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получать бумагу и карандаш, написана большая книга “История развития мирового земледелия (мировые ресурсы земледелия и их использование)”, где главное внимание уделено СССР. Перед арестом я заканчивал большой многолетний труд “Борьба с болезнями растений путем внедрения устойчивых сортов” (на Сталинскую премию), незаконченными остались “Полевые культуры СССР”, “Мировые ресурсы сортов зерновых культур и их использование в советской селекции”, “Растениеводство Кавказа (его прошлое, настоящее и будущее)”, большая книга “Очаги земледелия 5-ти континентов” (результаты моих путешествий по Азии, Европе, Африке и Северной и Южной Америке за 25 лет). Мне 54 года, имея большой опыт и знания, в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы

счастлив отдать себя полностью моей Родине, умереть за полезной работой для моей страны. Будучи физически и морально достаточно крепким, я был бы рад в трудную годину для моей Родины быть использованным для обороны страны по моей специальности, как растениевод, в деле увеличения растительного, продовольственного и технического сырья...

Прошу и умоляю Вас о смягчении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности, хотя бы в скромном виде (как научного работника и педагога) и о разрешении общения в той или иной форме с моей семьей (жена, два сына — один комсомолец, вероятно, на военной службе и брат академик — физик), о которых я не имею сведений более полутора лет.

Убедительнейше прошу ускорить решение по моему делу.

Н. Вавилов
гор. Саратов, тюрьма № 1, 25.IV.42 г.”

Истощение Вавилова, которое началось сразу же после перевода в Саратовскую тюрьму и закончилось его гибелью, можно, конечно, отнести на счет войны. Врагов страны не кормили. Смертность заключенных доходила до 20%. Вавилов не мог затеряться в Саратовской тюрьме. Он был слишком известным... Он был не простым узником, который мог бы затеряться и выпасть из поля зрения руководства НКВД, которое, несомненно, было проинформировано о его самочувствии. Более того, начальство, вероятней всего, с самого начала получило из Москвы соответствующие инструкции, как следует обходиться с необычным узником. О плохом состоянии здоровья Вавилова Берия и его помощники знали и из письма самого ученого от 25 апреля 1942 г., где он упомянул тяжелые условия содержания и свое заболевание цингой. Однако никакого улучшения условий

жизни Вавилова, как заключенного, не произошло и наверно как это не страшно говорить и не могло быть в принципе. Доказательством служит следующее. Московские боссы НКВД следили затем, чтобы Вавилова не расстреляли в Саратовской тюрьме. Такая форма расправы их не устраивала. Как в свое время в Москве, так и в Саратове они не хотели брать на себя ответственность за его гибель, без приказа свыше...

26 января 1943 г. Н.И. Вавилов погиб в тюремной больнице непонятно от чего и какого диагноза. Н.И. Вавилов похоронен в безымянной могиле и неизвестно в каком месте на кладбище в г. Саратове.

М. Поповский обратил внимание на несоответствие диагнозов. Первоначальный диагноз, от 24 января, гласил: «Крупозное воспаление легких». На следующий день в протоколе № 137 говорилось о другом диагнозе — «дистрофия, отечная болезнь» [8]. Поповский считает верным именно этот диагноз. «Надо полагать, — пишет он, — сам факт составления протокола означал, что Вавилова доставили в лазарет умирающим. Непонятно только, что за «отечную болезнь» открыли саратовские эскулапы. При длительном белковом голодании (это обязан знать каждый врач и даже фельдшер) на теле истощенного образуются голодные отеки. В последней стадии дистрофии большой уже не в силах усвоить пищу, профузный понос обезвоживает и истощает его все больше и больше. Картина болезни ясна как божий день». Он полагает, что все последующие упоминания «крупозного воспаления легких», акты о вскрытии были фальсификацией, ставившей целью скрыть главное: смерть Вавилова была неестественной, до нее он был доведен тюремщиками. Писателю удалось также установить целый ряд неувязок в составлении документов, удостоверяющих смерть Вавилова. Он не получил

ответа на вопросы, какой смысл был брать у умирающего человека кровь на РОЭ и мокроту на ВК (туберкулез), почему тело Вавилова было вскрыто через четыре дня после смерти, а документ о судебно-медицинской экспертизе составлен спустя еще пять дней [8].....

После ареста Н.И. Вавилова ведущие сотрудники ВИРа были либо арестованы, либо уволены без права работы в ведущих учреждениях страны. Дальше был разгром Института... Основан он был на приказе № 50 «О задачах и структуре ВИРа», в котором, по материалам комиссии ВАСХНИЛ, институт признавался не справившимся с поставленными перед ним задачами. Т.Д. Лысенко в соответствии с указанным приказом поручалось произвести «перестройку» работы ВИРа, оставшегося без своего выдающегося директора и многих высококвалифицированных сотрудников, ценивших и поддерживающих его.

Директором вавиловского Института генетики становится Т.Д. Лысенко, на посту которого останется до 1964 г. Через 67 дней после ареста Вавилова научный совет ВИРа, директором которого он был 20 лет, выдвинул Лысенко кандидатом на соискание Сталинской премии 24 голосами «за» при одном воздержавшемся.

Упоминание имени Н.И. Вавилова до середины 50-х годов XX века было уголовно наказуемым делом. Единственный кто не боялся цитировать Н.И. Вавилова, был Лысенко.

Прошло семьдесят лет после ареста и смерти Вавилова, однако оказывается, что громадная экономическая эффективность деятельности академика Н.И. Вавилова и вопрос о причастности к его гибели Т.Д. Лысенко до сих пор остаются актуальными для достаточно большого количества людей.

20 августа 1955 г. Н.И. Вавилова посмертно реабилитирован. В 1965 г.

была учреждена премия имени Н.И. Вавилова, в 1967 г. его имя было присвоено ВИРу и Саратовскому сельскохозяйственному институту, в 1968 г. РАН учреждена Золотая медаль имени Н.И. Вавилова, присуждаемая за выдающиеся научные работы и открытия в области сельского хозяйства. Единственный памятник Н.И. Вавилову стоит только в Саратове. Попытки РГАУ - МСХИ имени К.А. Тимирязева поставить памятник своему выпускнику Н.И. Вавилову на территории его альма-матер не увенчались успехом. Несмотря на поддержку Администрации Президента Российской Федерации, правительству Москвы удалось «заволокитить» этот вопрос и оно отказалось профинансировать создание памятника.

Н. И. Вавилов много сделал для организации и развития научных исследований в СССР. Он работал в крупнейших земледельческих регионах страны и мира, внедрял достижения науки в сельскохозяйственное производство. Однако, несмотря на то, что Н.И. Вавилов был необыкновенно успешным исследователем, организатором учебной и научной работы, жизнь его трудно назвать благополучной, как до, так и после его смерти. И проблема заключается в нас и нашем времени.

P.S. В изданной книге «Суд палача» собраны документы следствия и суда над Н.И. Вавиловым. Суд состоялся 9 июля 1941 г. Н.И. Вавилов, его близкие друзья — Л.И. Говоров, Г.Д. Карпеченко, бывший сотрудник ВИР, растениевод Б.А. Паншин, а также директор Института удобрений и агропочвоведения А.К. Запорожец по обвинению в принадлежности к антисоветской организации, вредительству и шпионажу Военной коллегией Верховного Суда СССР были приговорены к расстрелу. Все осужденные, как теперь выяснилось, подали в Верховный Совет прошения о поми-

ловани. Протокол заседания Президиума Верховного Совета от 26 июля 1941 г., на котором были рассмотрены прошения, подписан следующими именами.

“Члены президиума голосовали «за» т.т.

1. Бадаев А.Е. — тел. верт. 28-49
2. Буденный С.М. — в командировке
3. Горкин А.М. — лично
4. Каганович Ю.М. — тел. верт. 24-08
5. Калинин М.И. — лично
6. Маленков Г.М. — лично
7. Мускатов П.Г. — тел. верт. 23-15
8. Николаева КИ. — тел. верт. 23-07

9. Сталин И.В. — лично

10. Шкирятов М.В. — лично”

Под смертным приговором ученым таким образом расписались сама власть в государстве как сам И.В. Сталин, так и двое из его ближайшего окружения — известные М.И. Калинин (председатель Президиума Верховного Совета) и Г.М. Маленков (секретарь ЦК, член Оргбюро ЦК).

Известно, что Н.И. Вавилову исполнение приговора было сделано другим, более жестоким, методом, остальные были расстреляны 28 июля 1941 г.

Библиографический список

1. *Бахтеев Ф.Х.* Николай Иванович Вавилов. 1887-1943. Новосибирск, 1987.
2. Вавилов Николай Иванович. Научное наследие в письмах, международная переписка. Т. 4. 1934-1935 / Общ. ред. Р.В. Петров, В.К. Шумный, А.А. Жученко. М.: Наука, 2001.
3. *Поповский М.* Дело академика Вавилова., М., 1991.
4. *Вавилов Ю.Н., Рокитянский Я.Г.* Голгофа. Архивные материалы о последних годах жизни Вавилова. (1940-1943) // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 9.
5. *Медведев Ж.* У истоков генетической дискуссии // Новый мир. 1967. №4
6. Рядом с Н.И.Вавиловым. Сборник воспоминаний. Издание второе, дополненное. М.: Советская Россия, 1973.
7. *Синская Е.Н.* Воспоминания о Н.И. Вавилове. Киев, 1991;
8. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы / Сост. Я.Г. Рокитянской, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. Изд. 1. 1999. М. Academia. 552 с. Изд. 2. 2000. М. Academia.

SUMMARY

Events, connected with last expedition by N.I.Vavilov, were considered. It was the element of Vavilov's global plan for mobilization of world vegetative resources and increase of the efficiency of their use for the sustainable development of world agriculture. This plan was formed by N.I.Vavilov as he was the student in the Moscow agricultural academy (nowadays RSAU-MTAA named after K.A.Timiryazev) and was the continuation of the creative environment created by founders and teachers of this High School. N.I.Vavilov's latest discoveries and tragical circumstances of its arrest were discussed.

Key words: biodiversity, vegetative resources, ways of migration of cultural plants.

Глазко Валерий Иванович — д. с.-х. н., РГАУ - МСХА имени К.А. Тимирязева.
Эл. почта: vglazko@yahoo.com